
ЭКСКЛАВНЫЕ ТЕРРИТОРИИ

МИГРАЦИОННАЯ ТИПОЛОГИЯ ПРИБРЕЖНЫХ ЭКСКЛАВОВ МИРА

А. В. Лялина

А. П. Плотникова

Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Поступила в редакцию 05.03.2024 г.

Принята к публикации 03.09.2024 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2024-4-8

© Лялина А. В., Плотникова А. П., 2024

Большой вклад в изучение миграции населения в эксклавной Калининградской области и факторов, влияющих на нее, внес проф. Г. М. Федоров, рассматривающий миграционное движение в качестве демографической категории геодемографической обстановки. Им впервые был подчеркнут особый характер протекания миграционных процессов в регионе, обусловленный во многом его особым экономико-географическим положением и историческими предпосылками. В данной статье анализируется специфика влияния эксклавного положения, заключающегося в пространственной удаленности эксклава от материнского государства, на миграционную ситуацию тринадцати прибрежных эксклавов мира (кроме военных баз и незаселенных территорий). Они расположены в разных частях света и характеризуются различными природно-климатическими, экономическими и институциональными условиями, историческими и культурными особенностями развития социумов, по-разному преодолевают издержки пространственной обособленности. Это находит отражение в их миграционной привлекательности и, как следствие, в складывающейся миграционной ситуации. В исследовании впервые предпринята попытка типологизировать эксклавные территории с учетом миграционной ситуации в них. Для этого проведено сравнение эксклавов с помощью показателей, характеризующих миграцию населения и ее роль в воспроизводстве населения, транспортную связность с материнским и соседними государствами, природные и социально-экономические условия развития регионов в 2017–2022 гг. Результатом стала типология прибрежных эксклавов по характеру протекания миграционных процессов. К миграционно непривлекательным отнесены эксклавы, развивающиеся в суровых природно-климатических условиях (Аляска) и условиях экстремально высоких температур, со слабо развитой экономикой (Окуси-Амбено, Тембуронг, Французская Гвиана), а также густонаселенные эксклавы с высокой нагрузкой со стороны беженцев (Сеута и Мелилья). Миграционно привлекательные эксклавы — это экономически благополучные регионы, использующие выгоды своего приморского положения (Калининградская область и Крым), и специализирующиеся на добыче нефти и газа Кабинда и Мусандам. К третьему типу отнесены наиболее густонаселенный эксклав Гибралтар и высоко развитые Дубровник и Северная Ирландия, где миграция практически не оказывает влияния на воспроизводство населения.

Ключевые слова:

миграция, эксклаvnость, прибрежный эксклав, приморское положение, приграничность, Калининградская область

Для цитирования: Лялина А. В., Плотникова А. П. Миграционная типология прибрежных эксклавов мира // Балтийский регион. 2024. Т. 16, № 4. С. 161–185. doi: 10.5922/2079-8555-2024-4-8

Введение

Происходящие глобальные геополитические и геоэкономические изменения в значительной степени сказываются на миграционной привлекательности и, как следствие, миграционной ситуации в самом западном регионе Российской Федерации (РФ) — Калининградском прибрежном эксклаве. Регион на протяжении XXI в. постепенно наращивал интенсивность сальдо миграции, укрепляя свои позиции в качестве региона притяжения мигрантов как из стран СНГ, так и из регионов РФ. К 2021 г. регион вошел в пятерку лидеров среди всех субъектов РФ по коэффициенту сальдо миграции. Однако в 2022 г. миграционная ситуация изменилась коренным образом — прирост сократился более, чем в 2 раза, в 2023 г. он достиг минимума с 2011 г. — 6,0%¹. Такие изменения, очевидно, стали отражением снижения миграционной привлекательности области, с одной стороны, и изменения факторов миграции жителей России — с другой. Нарастание экономической и военно-политической напряженности в отношениях с соседними странами — участницами блока НАТО (Литвой и Польшей), введение ограничений на пассажирский и грузовой транзит по территории Литвы обусловили риски «блокады» региона и сказались на ухудшении социально-экономической обстановки. В целом ухудшение экономической ситуации в стране в 2022 г., расслоение общества по политическим причинам отразились на усилении экономических и политических факторов миграции и ослаблении факторов, связанных с улучшением качества жизни населения. Таким образом, традиционные факторы притяжения мигрантов в Калининградский эксклав — природно-климатические условия и экология, возможности путешествий по Европе для мигрантов из других регионов РФ и возможности трудоустройства для большинства мигрантов из стран СНГ — значительно ослабили свою актуальность. Напротив, экономические факторы выталкивания населения из эксклава усилили свое влияние. Следствием стало не только снижение притока мигрантов из стран СНГ, но главным образом сокращение притока мигрантов из других регионов РФ и рост оттока. Таким образом, старые и новые факторы миграции во многом являются отражением особого экономико-географического положения (ЭГП) региона.

Произошедшие изменения в Калининградском эксклаве РФ подтолкнули нас к изучению влияния эксклавноности на миграционные процессы в других прибрежных эксклавах.

Специфические черты прибрежных эксклавов, заключающиеся в их пространственной обособленности от материнского государства, приграничности и приморском положении, позволяют нам сформулировать гипотезы возможных сценариев развития миграционных процессов в них. Сценарий 1: замкнутость миграционных процессов, когда преобладают миграционные потоки внутри эксклава. Сценарий 2: превалирование международной миграции над межрегиональной по причине хозяйственного ориентирования на внешнеэкономическое взаимодействие или по иным гуманитарным причинам (исторически обусловленной этнической или культурной близости проживающих народов, например). Сценарий 3: превалирование межрегиональной миграции над внешней вопреки территориальной оторванности и в целях укрепления пространственной связности эксклава с материнским государством. Сценарий 4: одновременно высокая вовлеченность в миграционное взаимодействие как с материнским, так и с окружающими государствами вследствие развития экономики эксклава по модели «коридора развития».

¹ Миграция населения Калининградской области, *Калининградстат*, URL: <https://39.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Миграция-12.pdf> (дата обращения: 26.02.2024).

Таким образом, цель статьи заключается в выявлении специфики влияния эксклавности на миграционные процессы. В ходе исследования решались следующие задачи: а) анализ отечественных и зарубежных работ, посвященных изучению миграционных процессов в условиях прибрежного положения, приграничности и эксклавности с целью выявления специфики влияния эксклавности на миграционные процессы; б) типологизация прибрежных эксклавов по характеру миграционной ситуации на основе авторской методики; в) выявление типичных черт развития миграционных процессов в прибрежных эксклавах.

Теоретический обзор

В политической географии под термином «эксклав» принято понимать часть территории государства, окруженную чужими по отношению к территории своего государства территориями [1]. При этом прибрежным считается тот эксклав, который имеет выход к морю. Согласно Ю.М. Звереву, островные эксклавы к прибрежным эксклавам не относятся [2, с. 21]. Вопросы генезиса и истории эксклавов довольно тщательно изучаются. Разработаны классификации эксклавов по правовому статусу, численности населения, происхождению, наличию выхода к морю, расстоянию до материнского государства, уровню доходов населения (относительно среднего показателя материнского и окружающих государств) [3].

Специфике развития прибрежных эксклавов посвящено не так много работ [2; 4]. По мнению Ю.М. Зверева, прибрежным эксклавом считается «отдельно расположенная часть территории страны, окруженная одним или несколькими иностранными государствами и имеющая выход к морю» [2, с. 21]. В работе [2] Ю.М. Зверев приводит классификации прибрежных эксклавов по таким критериям, как площадь территории, численность населения, юридический статус, количество окружающих стран, удаленность от материнского государства. Особенности протекания миграционных процессов в прибрежных эксклавах до сих пор оставались в стороне исследовательского интереса.

Главной чертой прибрежных эксклавов является их *пространственная обособленность, или оторванность от материнской территории*¹. Несмотря на высоко развитое транспортное воздушное сообщение, которое существенно сжимает пространство, расстояние все еще остается значимым фактором в миграциях населения [5]. И чем ближе эксклав расположен к материнской территории, тем выше вероятность более тесного миграционного взаимодействия. В то же время реализация политики по преодолению территориальных издержек обособленности (например, компенсация транспортных издержек) будет создавать условия для притяжения мигрантов. Кроме того, пространственная обособленность определяет «особый» (зачастую геостратегический) статус эксклавной территории и стратегию его развития: от «коридора развития», сопровождаемого интенсивным взаимодействием с соседними странами и, как следствие, высокой миграционной активностью, до форпорста, для которого устанавливается специальный режим, ограничивающий миграционные перемещения.

Редкие исследования, проводимые на примере отдельных эксклавов, выявляют влияние эксклавности на специфику обусловленных ею факторов притяжения и выталкивания [6]. Так, ИТ-специалисты, переехавшие в Калининградскую область, отмечали следующие факторы миграции, обусловленные эксклавностью региона: расширенное субсидируемое авиасообщение с городами России, издержки

¹ Материнское государство — государство, неотъемлемой частью которого является эксклавное образование.

территориальной оторванности (например, необходимость оформления визы для сухопутного транзита через территории сопредельных стран), более динамичное развитие региона вследствие федеральной поддержки [6]. В то же время связанная с эксклавностью высокая импортозависимость и зависимость региона от транзита сегодня (в условиях санкционных ограничений) выступает серьезной проблемой на пути социального и экономического развития области [7]. Она определяет более острую реакцию региона на кризисные явления (в пандемию COVID-19, после начала СВО России на Украине в 2022 г.), выраженную в более сильном снижении уровня и качества жизни в регионе относительно других территорий России, что снижает привлекательность области для мигрантов и создает условия для оттока населения [7].

Другой особенностью эксклавов является *приграничность*, которая в одних случаях может сглаживать, компенсировать периферийность эксклава, выступать фактором развития региона и обуславливать его миграционную привлекательность, а в других — усиливать периферийность и выступать фактором выталкивания для местного населения [8]. Это зависит, в частности, от типа границ, соотношения их контактной, барьерной и фильтрующей функций. Контактные границы при наличии градиентов межстранового соседства способствуют развитию трансграничной трудовой и экономической (челночной), образовательной миграции [9—12] и одновременно повышают привлекательность эксклава среди внутренних мигрантов [13; 14]. Неиспользование потенциала контактной функции границы для экономического развития зачастую превращает регионы в «буферные зоны» транзитной миграции по направлению более экономически развитых регионов материнского государства или сопредельных стран [15—17]. Другим следствием может стать замещение местного населения вследствие его оттока вновь прибывшим [15]. В случае с закрытыми границами, которые зачастую являются следствием конфликтогенности этих территорий, приграничное положение будет способствовать дезинтеграции, ослаблению социально-экономического уровня жизни и углублению периферийности. В то же время на примере Гвианы и Суринама [18] исследователи показывают, что даже в условиях закрытых границ эмиграция может возрастать прежде всего по причине смены политических режимов.

Пространственная обособленность и приграничность влияют и на самосознание населения, проживающего на территории эксклава, определяя его социокультурную и территориальную идентичность на стыке самоидентификации себя как части региона, материнской страны и окружающих государств¹, что создает миграционную подвижность населения [19].

Приморское положение прибрежных эксклавов влияет на миграционные процессы через «морскую» специфику хозяйственного развития, что в том числе привлекает профильных специалистов из-за пределов региона, создает дополнительные возможности для социально-экономического роста, что также увеличивает их привлекательность для мигрантов [20]. Выход к морю также дает возможности развития дополнительных транспортных коридоров, а значит, позволяет повысить транспортную доступность территории для мигрантов. Рыболовство способствует продовольственному обеспечению населения, а талассоаттрактивность стимулирует миграцию как образ жизни (с англ. *lifestyle migration*) [21—23]. С другой сто-

¹ Окружающее государство — государство, которое полностью или частично окружает анклавное образование другого государства.

роны, в неблагоприятных климатических условиях приморское положение может быть ассоциировано с рисками подтопления, что формирует факторы миграционного выталкивания [24].

Таким образом, перечисленные особенности ЭГП прибрежных эксклавов влияют на миграционные процессы скорее не напрямую, а опосредованно, через формирование условий их социально-экономического развития и изменение структуры населения. В этой связи учет их воздействия на миграционные процессы в прибрежных эксклавах осложнен не только опосредованностью этого влияния, но также подверженностью миграции населения воздействию других факторов. К числу таковых исследователи относят факторы, описывающие условия естественной и социальной среды, окружающей человека (например, географические, природные, социально-экономические) и структурные факторы, характеризующие состав населения, вовлеченного в миграционные процессы (например, демографические, этнические, генезисные, профессиональные, образовательные) [25, с. 54—55]. Они могут как выталкивать мигрантов, так и притягивать их.

Выявлению факторов миграции населения в разнородных территориальных единицах зачастую предшествует их типологизация. Она позволяет разделить территории на отдельные однородные группы и провести качественный анализ внутри каждой группы [26]. В типологиях, характеризующих территории по уровню и динамике вовлеченности в миграционные процессы, чаще всего используются абсолютные и относительные показатели сальдо и валовой миграции, число прибывших и выбывших, результативность миграции¹ [26—29]. В целях типологизации территорий по уровню миграционной активности и приживаемости населения могут применяться такие показатели, как доля мигрантов в населении² [30], структура мигрантов по срокам проживания в регионе вселения [31]. Интерес представляет также типология региональных столиц России по соотношению естественного и миграционного прироста / убыли населения, которая отражает роль миграции в воспроизводстве населения [32].

В типологиях, учитывающих условия протекания миграционных процессов, дополнительно применяются показатели, характеризующие общую демографическую ситуацию, состояние рынка труда и занятости, систему образования, социально-экономическое положение и уровень жизни населения, состояние общественной безопасности в регионе [28]. Для учета специфики ЭГП используются показатели, характеризующие функцию границы (например, количество стран, с которыми граничит регион, количество пунктов пропуска через государственную границу [33]), природно-климатические условия (средняя температура января [28]), размещение населения (уровень урбанизации [28], близость к большим городам³).

Таким образом, имеющиеся методики типологизации территорий не отвечают цели настоящего исследования, поскольку не позволяют в полной мере выявить влияние интересующих нас особенностей прибрежных эксклавов на миграционную обстановку. В то же время такие показатели, как сальдо миграции, доля мигрантов в населении, средняя температура воздуха, уровень урбанизации, проде-

¹ Peck, B. 2021, *Understanding US Regions through Cluster Analysis*, *Medium*, URL: <https://medium.com/geekculture/understanding-us-regions-through-cluster-analysis-4ab87472b899> (дата обращения: 23.04.2024).

² OECD, 2022, *The Contribution of Migration to Regional Development*, OECD Regional Development Studies, OECD Publishing, Paris.

³ OECD, 2022, *The Contribution of Migration to Regional Development*, OECD Regional Development Studies, OECD Publishing, Paris.

монстрировали свою надежность и эффективность для проведения миграционной типологизации. Целесообразным также представляется использовать широко применимые показатели, характеризующие условия развития эксклавов — площадь территории, удаленность от материнского государства, а также соотношение доходов населения эксклава со средними показателями материнского и окружающих государств. С учетом этого для целей данного исследования предлагается разработать собственную методику, учитывающую, с одной стороны, накопленный опыт типологизации эксклавов, с другой — доступность статистических данных для территорий разных стран.

Методы и материалы

По данным на начало 2022 г., в мире насчитывалось 18 прибрежных эксклавов [2]. Шесть из них расположены в неблагоприятных природно-климатических условиях. Округ Бруней Тембуронг и округ Восточного Тимора Окуси-Амбено расположены в зоне экваториального климата, заморский регион Франции Гвиана — субэкваториального. Для них характерны высокие среднегодовые температуры ($> 26^{\circ}\text{C}$) и обильные осадки. Температура воздуха в мухафазе Омана Мусандам и провинции Анголы Кабинда также выше 26°C , но климат засушливый тропический. Большая часть территории штата США Аляска расположена в субарктическом климате и частично — в арктическом. Это напрямую влияет как на экономическое развитие данных территорий, в том числе их морехозяйственную активность, так и на миграционную подвижность населения. Кроме того, некоторые эксклавы являются суверенными военными базами (например, заморские территории Великобритании Акротири и Декелия), что не предполагает миграцию гражданского населения. К числу прибрежных эксклавов относятся как обширнейший по занимаемой им площади штат Аляска (1718 тыс. км²), так и весьма компактные и высокоурбанизированные пространства (например, заморская территория Великобритании Гибралтар, суверенные территории Испании Сеута и Мелилья). Это накладывает ограничения на миграционную емкость территорий, а в некоторых случаях определяет отсутствие гражданского населения вовсе (например, район Турции Коккина). Отличается и удаленность прибрежных эксклавов от своих материнских территорий: в то время как две трети расположены на расстоянии до 150 км, два эксклава удалены на 300—900 км (Калининградская область РФ и Аляска), еще четыре — более 1000 км (Гибралтар, Акротири и Декелия, Французская Гвиана). При этом 12 эксклавов входят в состав стран глобального Севера, то есть характеризуются высоким уровнем экономического развития, однако некоторые из них расположены на глобальном Юге, что определяет их соседство с менее развитыми государствами (например, Французская Гвиана).

Исследование построено на концептуальных положениях теории эксклавно-сти, приграничности и талассоаттрактивности. Основу составили методы, традиционно используемые в миграционных исследованиях. Статистические методы применялись на этапе сбора и расчета требуемых для анализа показателей. На следующем этапе было осуществлено сравнение рассматриваемых территорий и их типологизация. С целью выявления роли отдельных особенностей ЭГП на миграционную ситуацию применялись критерии и показатели, представленные на рисунке 1. Дополнительно при разработке типологии учитывались природно-климатические условия, уровень социально-экономического развития региона, размещение населения, особые режимы благоприятствования хозяйственной деятельности и транспортной связности эксклава с материнским государством.

Невозможностью учесть влияние всех возможных факторов (в том числе ввиду отсутствия данных в открытом доступе) объясняется исключение из анализа таких факторов, как государственная миграционная политика, гендерная и возрастная структура населения.

Миграционная типология прибрежных эксклавов мира разрабатывалась для 13 эксклавов по данным за 2017—2022 гг. Из анализа исключены военные базы (Акротири, Декелия, Пеньон-де-Велес-де-ла-Гомера) и электростанция Декелия, а также Коккина, где отсутствует гражданское население. При этом в типологию включен российский эксклав Республика Крым, с 2022 г. переставший считаться таковым вследствие вхождения в состав РФ новых регионов¹, через территорию которых осуществляется прямое сухопутное сообщение с материнской территорией. Включение Крыма в состав типологии обосновано его эксклавым положением на протяжении практически всего рассматриваемого периода.

Информационную базу для исследования составили данные национальных и региональных статистических служб эксклавов. Для оценки транспортной связности эксклавов с материнским государством и окружающими странами использовались данные портала для планирования путешествий Rome2Rio и портала отслеживания перелетов Flightradar24. Источником демографических данных стали база данных Всемирного банка, база данных о населении ООН, платформа данных Statista, справочный веб-портал Worldometer, портал геоданных о населении Thomas Brinkhoff: City Population.

Для анализа экономической специализации эксклавов, режимов благоприятствования хозяйственной деятельности и транспортной доступности использовались данные порталов государственных органов власти материнских стран и самих эксклавов, а также тематические отчеты профильных организаций по экономическому и отраслевому развитию (например, Всемирного банка). Для сопоставления уровня социального развития эксклавов применялись данные Субрегионального индекса развития человеческого потенциала (SHDI, Subnational Human Development Index). Для Калининградской области РФ взяты средние значения по Северо-Западному федеральному округу (СЗФО) РФ, для Республики Крым — по Южному федеральному округу (ЮФО) РФ, которые, на наш взгляд, лучше отражают ситуацию в регионах, чем средние значения по РФ. При этом данные по СЗФО РФ превышают средние значения по стране (101 %), а по ЮФО РФ отстают от них (97 %).

Источником данных о среднегодовой температуре и осадках стал поисковик климатических данных Weather and Climate: The Global Historical Weather and Climate Data.

Выявленные типы и подтипы прибрежных эксклавов описаны с позиций обусловленности миграционной ситуации пространственной обособленностью, прибрежным и приграничным положением.

Некоторые данные сопоставимы только отчасти. Например, миграционную статистику в Великобритании и США собирают преимущественно по состоянию на середину года, в остальных регионах — по состоянию на начало года. Для ряда эксклавов (Мусандам, Кабинда, Окуси-Амбено) миграционные показатели в открытом доступе не публикуются, для них были рассчитаны оценочные значения через показатели естественного движения населения. Также стоит учитывать, что

¹ Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ, Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 г. № 6-ФКЗ, Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 г. № 7-ФКЗ, Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 г. № 8-ФКЗ.

методика расчета миграционных показателей не унифицирована¹, а в некоторых странах учет миграции населения не в полной мере надежен (например, в Анголе, Восточном Тиморе).

ОСНОВНЫЕ КРИТЕРИИ	ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ КРИТЕРИИ
Блок критериев А: миграционная обстановка А1. Миграция в воспроизводстве населения: • отношение суммарного сальдо миграции к естественному приросту / убыли населения* А2. Роль региона в миграционных процессах: • коэффициент сальдо миграции, % А3. Вовлеченность в миграционные процессы: • коэффициент миграционного оборота, % А4. Результативность миграции: • отношение сальдо миграции к миграционному обороту	Блок критериев Д: социально-экономическое развитие Д1. Уровень экономического развития • ВРП/ВВП на душу населения материнского государства Д2. Уровень социального развития • Индекс человеческого развития (Subnational Human Development Index (SHDI))* (ед.) Блок критериев Е: природно-климатические условия Е1. Температурный режим: • среднегодовая температура, °С Е2. Режим осадков: • среднеемесячное количество осадков, мм Блок критериев Ж: размещение населения Ж1. Соотношение сельского и городского населения: • уровень урбанизации, % Ж2. Освоенность территории: • плотность населения, чел. на км ² Ж3. Размер территории: • площадь территории, км ² Блок критериев З: особый режим хозяйствования и транспортной доступности З1. Содействие транспортной доступности: • наличие (+/-) субсидируемого транспортного сообщения с материнским государством, упрощенных режимов транзита через территорию окружающих стран З2. Благоприятствование хозяйственной деятельности: • наличие (+/-) режимов льготного налогообложения (ОЭЗ, СЭЗ, порто-франко и др.)
Блок критериев Б: пространственная обособленность Б1. Удаленность от материнской территории • расстояние по прямой, км Б2. Транспортная доступность материнского государства: • наличие (+/-) пассажирского транспортного сообщения	Примечание: * — знак показателя отражает знак сальдо миграции; ВРП — валовой региональный продукт, ВВП — валовой внутренний продукт, ВМС — военно-морские силы, ОЭЗ — особая экономическая зона, СЭЗ — свободная экономическая зона
Блок критериев В: приграничность В1. Градиент экономического развития с окружающими странами: • ВРП/ВВП на душу населения окружающих государств В2. Транспортная доступность окружающих стран: • Наличие (+/-) пассажирского транспортного сообщения	
Блок критериев Г: приморское положение Морехозяйственная активность. Наличие: Г1. Расположен морской порт и логистика. Г2. Ведется добыча нефти и газа на шельфе. Г3. Ведется добыча морских биоресурсов. Г4. Осуществляются «приморские» рекреация и туризм. Г5. Судостроение и судоремонт. Г6. Расположены ВМС. Г7. Функционирует «приморская» промышленность. Г8. Комфортное расселение в приморских зонах	

Рис. 1. Критерии и показатели миграционной типологии прибрежных эксклавов мира

Результаты

Распределение прибрежных эксклавов мира по показателям вклада миграции в воспроизводство населения (отношение сальдо миграции к естественному приросту / убыли населения) и удаленности от материнского государства, площади территории и климатических условий, а также по уровню экономического развития показало несколько особенностей. Во-первых, только в трех прибрежных эксклавах миграция играет ведущую роль в воспроизводстве населения — в Калининградской области она отвечает за рост численности населения, многократно превышая естественную убыль населения, в Тембуронге и Сеуте определяет сокращение численности населения (рис. 2). Еще в двух эксклавах — Аляске и Мусандаме — она незначительно превышает естественный прирост. Во-вторых, неблагоприятная миграционная ситуация присуща эксклавам с суровыми природно-климатическими условиями. Единственными исключениями здесь являются Мусандам и Кабинда. В-третьих, миграционная убыль населения также характерна для небольших по площади территории эксклавов, то есть имеющих явно ограниченную миграционную емкость территории. В-четвертых, в число эксклавов с отрицательным сальдо миграции вошли три наиболее удаленных от материнской территории — Французская Гвиана, Гибралтар и Аляска. В-пятых, в эксклавах

¹ В то время как, согласно Международной организации по миграции, долгосрочным мигрантом считается лицо, устанавливающее вид на жительство в другой стране на срок не менее года, в России с 2011 г. этот срок считается с 9 месяцев.

с миграционной убылью населения уровень экономического развития в среднем выше (в 3 раза), чем у тех, где наблюдается миграционный прирост. Это позволяет предположить, что влияние данного фактора на миграционные процессы является вторичным.

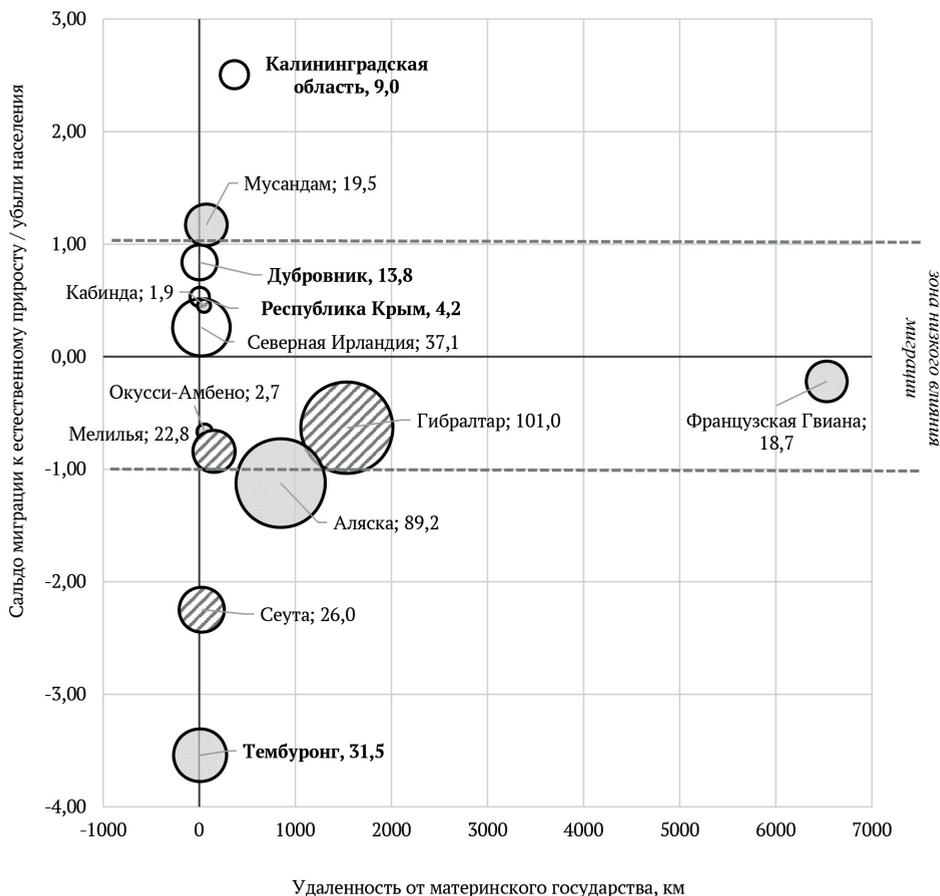

Рис. 2. Распределение прибрежных эксклавов мира по показателям воспроизводства населения и удаленности от материнского государства, площади территории и климатических условий, а также по уровню экономического развития

Примечание: размер круга и подпись соответствуют размеру ВРП (в текущих ценах) (по ППС), тыс. долл. США на душу населения. Для Тембуронга, Окуси-Амбено, Мусандама приведены среднестрановые значения. Штриховкой выделены эксклавы, площадь территории которых не превышает 20 км². Заливкой выделены эксклавы с неблагоприятными природно-климатическими условиями (расположенные в условиях экваториального, субэкваториального и тропического, субарктического климатов — по классификации Б. П. Алисова). Жирным шрифтом выделены эксклавы с естественной убылью населения.

Миграционная типология прибрежных эксклавов мира

По характеру протекания миграционных процессов прибрежные эксклавы мира можно отнести к трем типам — миграционно привлекательные (тип А), миграционно непривлекательные (тип Б) и миграционная периферия (тип В) (табл.).

Миграционная типология прибрежных эксклавов мира

Показатель	Тип А				Тип Б				Тип В					
	А1		А2		Б1		Б2		В1		В2		В3	
	RU-KGD	OM-MU	RU-CRI	AO-CAB	ES-CE	US-AK	BN-TE	TL-OE	FR-GF	ES-ML	GIB-292	HR-19	GB-NIR	
A1	2,51	1,17	0,53	0,45	-2,25	-1,1	-3,54	-0,67	-0,2	-0,84	-0,63	0,84	0,26	
A2	10,75	15,93	3,63	8,46	-6,99	-7,12	-12,57	-12,54	-3,92	-5,71	-1,82	1,55	0,81	
A3	45,8	Н/д	48,1	Н/д	56,3	112,6	Н/д	Н/д	Н/д	73,6	Н/д	31,6	24,8	
A4	0,23	Н/д	0,08	Н/д	0,17	-0,07	Н/д	Н/д	Н/д	-0,15	Н/д	0,04	0,03	
<i>Блок критериев Б: пространственная обособленность</i>														
B1	365	73	5	49	25	847	9	57	6530	153	1535	2	22	
B2	+ / + / +	+ / + / +	+ / + / +	+ / + / +	- / + / +	- / + / +	+ / - / +	+ / + / +	- / + / -	- / + / +	- / + / -	+ / + / +	- / + / +	
<i>Блок критериев В: приграничность</i>														
B1	0,38-0,50	Н/д	0,86	Н/д	4,97	1,7	Н/д	Н/д	3,71	4,37	3,3	1,47-1,91	0,3	
B2	+ / - / -	+ / - / -	+ / + / +	+ / - / +	+ / - / -	+ / + / +	+ / - / -	+ / - / -	+ / + / +	+ / - / -	+ / + / -	+ / - / -	+ / - / +	
<i>Блок критериев Г: приморское положение</i>														
G1	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
G2	+	+	+	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	
G3	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
G4	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
G5	+	+	+	-	+	+	-	-	+	-	+	+	+	
G6	+	+	+	+	+	+	-	-	+	+	+	+	+	
G7	+	+	+	+	+	+	-	-	+	-	-	+	+	
G8	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	
<i>Блок критериев Д: социально-экономическое развитие</i>														
D1	0,7	Н/д	0,3	Н/д	0,7	1,3	Н/д	Н/д	0,5	0,6	2,2	0,8	0,8	
D2	0,85	0,83	0,81	0,69	0,85	0,93	0,83	0,54	0,79	0,85	0,93	0,87	0,9	
<i>Блок критериев Е: природно-климатические условия</i>														
E1	9,4	28,2	15,0	26,0	18,6	-2,0	28,4	27,7	27,5	19,6	18,0	16,0	9,9	
E2	67	13	42	68	51	32	126	136	109	30	64	86	72	
<i>Блок критериев Ж: размещение населения</i>														
J1	77	72*	51	87	100	80	6	21	90	100	100	100	65	
J2	67	27	73	115	4556	0	7	89	3	6437	5025	68	137	
J3	15125	1800	26081	7273	19	1717856	1306	817	83846	13	7	1781	13843	
<i>Блок критериев З: особый режим хозяйствования и транспортной доступности</i>														
Z1	+	-	+	-	+	+	-	-	+	+	-	+	+	
Z2	+	+	+	+	+	+	-	+	-	+	+	-	+	

Примечание: * — оценка; кодирование регионов в соответствии с ГЕОКОД ISO 3166, код Республики Крым присвоен автором в логике ГОСТ 7.67.

К типу А отнесены эксклавы с суммарным миграционным приростом за рассматриваемый период. По степени его значимости для воспроизводства населения стоит различать подтипы А1 и А2. В подтип А1 вошли эксклавы, для которых миграция населения играет первостепенную роль в воспроизводстве населения. Это такие регионы, как Калининградская область с компенсирующей естественную убыль миграцией и Мусандам с дополняющей естественный прирост миграцией. К подтипу А2 отнесены Республика Крым и Кабинда — эксклавы, где миграция играет второстепенную роль, а за воспроизводство населения в существенной мере отвечает естественный прирост (Кабинда) или убыль (Крым) населения.

Калининградская область и Республика Крым, будучи значительно крупнее иных рассматриваемых эксклавов, характеризуются благоприятными природно-климатическими условиями, развитием морского хозяйства и высокой транспортной связанностью с другими регионами РФ и странами. Здесь расположены международные аэропорты, морские порты и разветвленная сухопутная транспортная сеть, связывающая эксклавы с окружающими странами. В 2018—2022 гг. Крым был связан с другими регионами РФ по суше только по Керченскому мосту. При этом регионы характеризуются пониженным уровнем экономического развития относительно среднего уровня по РФ и соседним странам. Это может свидетельствовать о том, что эти регионы выбирают жители экономически менее развитых регионов РФ и стран (не соседних). Кроме того, широко популярна миграция по иным, не экономическим причинам (природно-климатическим, экологическим, историко-культурным). На снижение издержек пространственной обособленности российских эксклавов направлен целый ряд мер по субсидированию транспортного сообщения и стимулированию социально-экономического развития.

Мусандам и Кабинда отличаются от других эксклавов типа А высоким естественным приростом населения. Влияние неблагоприятных природно-климатических условий на миграционную обстановку здесь уступает место воздействию экономических факторов, связанных с нефте- и газодобычей в регионах. Эксклавы расположены на относительно небольшой удаленности от материнской территории (50—75 км) и обладают повышенной связанностью с ней всеми видами транспорта. Регионы также вовлечены в морехозяйственную деятельность, развивая портовую инфраструктуру и логистику, рыбную и «приморскую» промышленность. Для эксклавов отсутствует субсидирование транспортного сообщения с материнским государством, но установлены специальные налоговые режимы. Так, налоговые преференции для инвесторов в сфере туризма в Мусандаме направлены на диверсификацию экономики. Специальный налоговый режим в Кабинде (Cabinda VAT Special Regime) создан для повышения конкурентоспособности производимой в регионе продукции (кроме нефтедобывающей отрасли) и сохранения доступности импорта. Он предполагает ряд налоговых льгот, в том числе пониженную ставку налога на добавленную стоимость (1—2 % вместо 14 %) на товары и некоторые услуги.

Подтипы типа Б миграционно непривлекательных эксклавов выделены согласно той же логике — подтип Б1 с ведущей ролью миграции в воспроизводстве населения и подтип Б2 с второстепенной ролью миграции. К подтипу Б1 отнесены Сеута и Аляска, для которых отток населения нивелирует естественный прирост населения. К этому подтипу также отнесен Тембуронг, где миграция усиливает естественную убыль населения, что нетипично для страны в целом. Причина состоит в более высокой доле лиц старших возрастов и пониженной — в репродуктивных, что сказывается на более низкой рождаемости и повышенной смертности. В подтип Б2 включены Окуси-Амбено, Французская Гвиана и Мелилья — эксклавы, в которых миграционный отток отчасти сокращает естественный прирост.

Самый крупный по площади территории эксклав Аляска на треть расположен за полярным кругом. Суровые природно-климатические условия продолжают определять здесь характер миграционной ситуации. При этом специфика хозяйственной деятельности региона (ресурсодобывающая, с большой долей государственного сектора экономики) [34] и высокая транспортная связность эксклава с другими территориями, дополняемая субсидированием внутреннего авиасообщения, обуславливают высокий миграционный оборот. Несмотря на то что Аляска по уровню социально-экономического развития опережает соседнюю Канаду и многие штаты США, в регионе сохраняется миграционный отток.

Густонаселенные Мелилья и Сеута расположены в благоприятных природно-климатических условиях. Миграционные процессы здесь протекают в условиях крайне малой площади территории, а значит, ее ограниченной миграционной емкости и экономического потенциала. Миграционная ситуация в эксклавах характеризуется оттоком постоянного населения на основную территорию Испании по причине более низкого уровня жизни в регионе и наплыва африканских беженцев, стремящихся попасть в Европейский союз, что снижает привлекательность регионов для межрегиональных мигрантов [35]. Незначительный миграционный прирост в обмене с соседним Марокко сопровождается высокоинтенсивной кратковременной миграцией марокканцев в эксклавах. Этому способствуют более высокий уровень благосостояния в эксклавах (в 4 раза выше, чем в Марокко) и возможность краткосрочных безвизовых посещений испанских городов для жителей Марокко ввиду исключения из Шенгенского соглашения для испанских эксклавов.

Тембуронг, Окуси-Амбено и Французская Гвиана расположены в неблагоприятных природно-климатических условиях экваториального и субэкваториального климатов. Экономика эксклавов слаборазвита, приморское положение практически не используется для развития, регионы в значительной степени зависят от государственных субсидий. В Тембуронге и Окуси-Амбено преобладают сельское хозяйство и экотуризм (в Тембуронге), во Французской Гвиане — рыболовство и добыча морепродуктов, лесозаготовки. Транспортная доступность наиболее удаленного эксклава Французской Гвианы остается самой низкой среди всех рассматриваемых регионов — экономическая доступность авиасообщения ограничивается пониженным относительно среднего по материнской стране уровнем экономического развития. Транспортная связность с соседними странами более интенсивная по причине расширенных возможностей транспортного сообщения (есть сухопутное, судоходное и авиасообщение) и его более высокой экономической доступности ввиду положительного градиента в экономическом развитии с соседними странами. Окуси-Амбено и Тембуронг имеют относительно более тесную транспортную связность с материнским государством по суше, по воде и по воздуху (кроме Тембуронга). Однако ни в одном из эксклавов этого подтипа не предусмотрено субсидирование транспортного коридора, связывающего их с материнскими государствами.

В тип В включены эксклавы, отнесенные к миграционной периферии с низким сальдо миграции (Дубровник, Гибралтар, Северная Ирландия), практически не влияющим на динамику численности населения. Такая ситуация может объясняться разными причинами, однако основными считаются старение населения, рост числа собственников жилья, культурная укорененность, повсеместное развитие форм удаленной занятости [36]. В Северной Ирландии также имеет значение зачастую негативное отношение к мигрантам в обществе вследствие того, что страна только относительно недавно стала регионом иммиграции [37]. Экономика Северной Ирландии наиболее диверсифицирована, морехозяйственный сектор

экономики высоко развит. В то же время у региона сохраняется отрицательный градиент экономического развития относительно материнской и соседней стран, что снижает его привлекательность для мигрантов из других регионов Великобритании и Ирландии. Дополнительным фактором низкоинтенсивных миграционных процессов в Гибралтаре и Дубровнике выступает миграционная емкость. В Гибралтаре она в значительной степени определяется площадью территории (< 7 км²), а в Дубровнике — высокой нагрузкой со стороны туристов¹ и ограничениями, связанными со статусом объекта культурного наследия ЮНЕСКО для территории старого города.

Для более глубокого анализа выбраны территории, демонстрирующие типичные черты развития миграционных процессов в прибрежных эксклавах. В их числе Калининградская область и Аляска, в миграционной обстановке которых ведущую роль играет межрегиональная миграция; Северная Ирландия, для которой характерна повышенная замкнутость миграционных процессов внутри эксклава; Окуси-Амбено, ориентированный преимущественно на миграционное взаимодействие с соседними странами; Республика Крым, вовлеченная в миграционный обмен одновременно и с соседним, и с материнским государствами.

Миграционная специфика некоторых типичных прибрежных эксклавов

Калининградский эксклав — центр привлекательности для внутренних мигрантов

Калининградская область РФ является переселенческим регионом, население которого сформировано советскими переселенцами после вхождения области в состав РСФСР в 1946 г. Регион на протяжении всей постсоветской истории имел миграционный прирост. Новый виток роста сальдо миграции эксклава начался после 2016 г. и был обусловлен выходом России из кризиса (связанного с санкционным противостоянием Россия — Запад после вхождения Крыма и Севастополя в состав РФ в 2014 г.) и ростом популярности отдыха в регионе среди туристов из других регионов России. Приток туристов привел к росту узнаваемости области, стимулировал инвестиции и изменение облика региона, насыщение транспортной связности с регионами РФ, что привело к увеличению притока мигрантов из других регионов РФ [28].

На межрегиональную миграцию приходится более 60 % миграционного прироста населения региона и около 36 % валовой миграции (рис. 3). Основными причинами выбора эксклава для переселенцев из России выступают благоприятные природно-климатические условия, хорошая экология, историко-культурная и географическая уникальность, стоимость жилья [28]. Поэтому неудивительно, что мигранты представляют преимущественно регионы Севера, Сибири и Дальнего Востока России [28]. География регионов назначения мигрантов из Калининградской области косвенно отражает выталкивающие факторы экономической и образовательной миграции, обусловленные, в свою очередь, эксклавностью и малым размером области (то есть ограниченным объемом экономики): жители региона чаще выбирают столичные Москву и Санкт-Петербург с областями [38].

¹ Dubrovnik ahead of Venice with most tourists per resident in Europe, 2023, *CroatiaWeek*, URL: <https://www.croatiaweek.com/dubrovnik-ahead-of-venice-with-most-tourists-per-resident-in-europe/> (дата обращения: 26.02.2024).

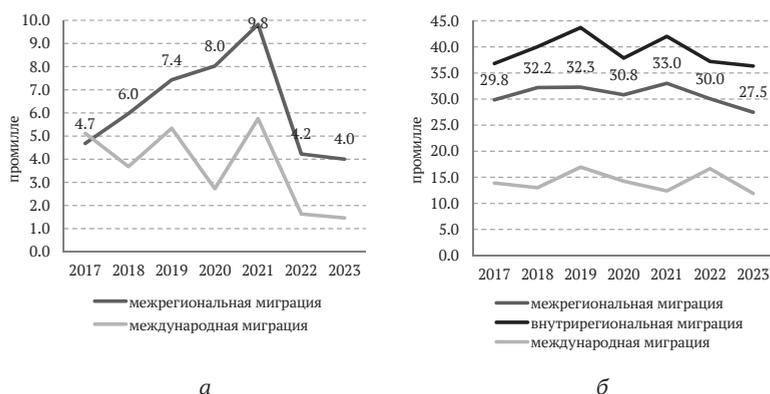

Рис. 3. Основные показатели миграции населения в Калининградской области в 2017—2023 гг.:

а — коэффициент сальдо миграции; б — коэффициент интенсивности валовой миграции

Источник: рассчитано по данным Росстата.

На преодоление транспортных издержек направлены меры по субсидированию пассажирского авиасообщения с материнской территорией и морских грузоперевозок (с 2022 г.). Для жителей региона действует упрощенный порядок сухопутного транзита через Литву. Реализуются проекты по повышению экономической безопасности региона (например, в сфере энергетики — построен терминал по приему СПГ и плавучая регазификационная установка, создано подземное газохранилище), действует режим ОЭЗ, позволяющий поддерживать конкурентоспособность местной продукции.

Аляска — донор внутренних мигрантов для других штатов США

Миграционные процессы на Аляске традиционно носили во многом вынужденный или экономический характер. Большую долю здесь составляли военнослужащие, направлявшиеся к новому месту службы, и мигранты в поисках более высоких заработков в рыбной отрасли и на горнодобывающих предприятиях¹. Так, сегодня в добыче полезных ископаемых и в рыбной промышленности занято 28 и 20 % всех занятых в производстве соответственно². Доля военнослужащих составляет около 7 %³. По данным за 2018 г., удельный вес коренных жителей эксклава составил 42 %, в то время как еще 46 % пришлось на уроженцев других американских штатов и около 12 % — на рожденных за границей (Филиппины — 3 %)⁴.

¹ Williams, G. 2004 Migration, *Alaska economic trends*, URL: <https://akdolphp.ayera.net/sites/default/files/trendsArt/jul04art1.pdf> (дата обращения: 21.03.2024).

² ALASKA MONTHLY EMPLOYMENT STATISTICS, *Department of Labor and Workforce Development*, URL: <https://live.laborstats.alaska.gov/labforce/000000/01/ces.html#y2022> (дата обращения: 21.03.2024).

³ Alaska Population Overview 2019 Estimates, *Alaska Department of Labor and Workforce Development*, URL: <https://live.laborstats.alaska.gov/pop/estimates/pub/19popover.pdf> (дата обращения: 21.03.2024).

⁴ Alaska Migration History 1900—2018, *America's Great Migrations Project*, URL: <https://depts.washington.edu/moving1/Alaska.shtml> (дата обращения: 21.03.2024).

Миграционный опыт жителей Аляски, их неукорененность, неблагоприятные природно-климатические условия выталкивают местное население в другие штаты США, снижая значимость преимуществ опережающего экономического развития. Этому также способствует субсидируемое авиасообщение внутри штата, которое повышает доступность центральных аэропортов, через которые осуществляется сообщение с материнской территорией, для жителей удаленных территорий. Суммарно за 2017—2023 гг. эксклав потерял почти 50 тыс. чел., или 6,6 % населения, и только лишь пятая часть была компенсирована притоком из других стран, главным образом с Филиппин (рис. 4).

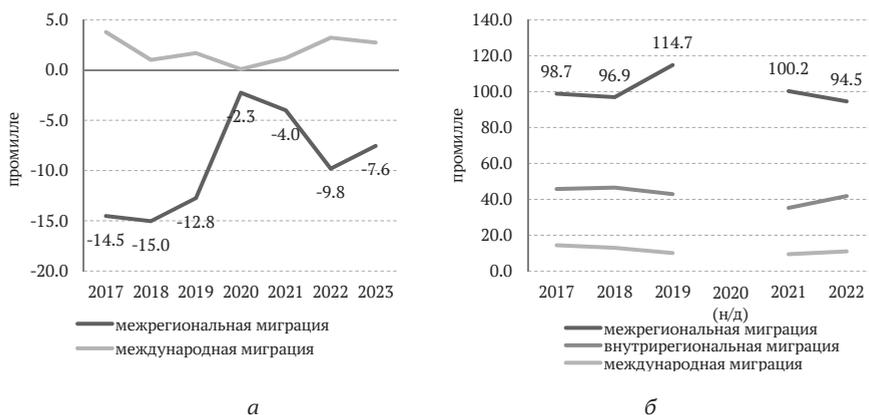

Рис. 4. Основные показатели миграции населения Аляски в 2017—2023 гг.:

а — коэффициент сальдо миграции; б — коэффициент интенсивности валовой миграции

Источник: рассчитано по данным Бюро переписи населения США.

Мобильность населения внутри штата остается высокой — около 40%, что превышает значения по другим эксклавам. Этому благоприятствует субсидируемое авиасообщение внутри штата. Но все же она менее интенсивна, чем внешняя миграция — на нее приходится 28 % от всей валовой миграции Аляски¹.

Окуси-Амбено: миграционная убыль сельского населения в результате эмиграции и урбанизации

Население Окуси-Амбено согласно данным переписи 2022 г. является высокоукорененным — доля уроженцев эксклава превышает 90 %². Значительная миграционная убыль населения этого аграрного эксклава связана прежде всего с оттоком за рубеж, поскольку удаленность и низкая экономическая доступность транспортного сообщения с материнским государством, а также отсутствие тесных социальных связей с народами восточной части страны (из-за этнической близости народам западной части) препятствуют интенсивному миграционному взаимодействию с другими регионами Восточного Тимора. В международной миграции эксперты выделяют два основных направления: а) в культурно и экономи-

¹ K200701 Geographical Mobility in the Past Year in the United States, *United States Census Bureau*, URL: <https://data.census.gov/table?q=%20K200701%20alaska&y=2022> (дата обращения: 21.03.2024).

² Timor-Leste Population and Housing Census 2022, *INETL, I.P.*, URL: <https://inetl-ip.gov.tl/2023/05/18/table-main-report-timor-leste-population-and-housing-census-2022/> (дата обращения: 25.03.2024).

чески близкий сопредельный регион Индонезии — Восточная Нуса-Тенгар; б) в экономически развитые зарубежные страны, что соответствует общестрановым тенденциям (Австралия, Португалия, Великобритания)¹. Менее интенсивная межрегиональная миграционная убыль населения связана с процессами урбанизации и переселением сельского населения эксклава в столичный регион Дили — именно здесь, по данным переписи 2022 г., проживала самая большая доля уроженцев эксклава, когда-либо покинувших свое место рождения в пределах страны (76 %). Преодоление издержек пространственной обособленности Окуси-Амбено связывают с созданием особого льготного режима налогообложения в рамках специального административного района, направленного на развитие международного туризма [39].

Северная Ирландия: повышенная миграционная замкнутость при ориентации на международный миграционный обмен

В миграционном движении населения Северной Ирландии преобладают перемещения на расстояние 10—50 км [40]. Более 80 % жителей эксклава, которые за последний год (2020) меняли место жительства, не выезжали за его пределы, подавляющее большинство не покидало своего района проживания². Это объясняется неоднородностью уровня и качества жизни населения эксклава, отставанием от среднего уровня по материнской и соседней странам, недостаточностью субсидирования³ транспортной связности с материнским государством. Значение имеет также религиозный состав населения: протестанты (44 % населения) более мобильны на расстояния до 50 км [40].

Главным драйвером изменения миграционной ситуации в Северной Ирландии, ориентированной на внутреннее перемещение, выступает международная миграция, а именно обмен с соседней Ирландией (рис. 5). Ведущую роль здесь играет наличие тесных социальных (зачастую семейных) связей жителей по обе стороны границы. Важное значение имеет также транспортная связность территорий и действующая Общая зона путешествий (Common Travel Area)⁴, которая предполагает проживание и работу граждан Ирландии в Великобритании (и граждан Великобритании в Ирландии) без каких-либо ограничений и условий.

Тесные миграционные связи также лежат в основе иммиграции из Индии и Китая, чему в 2022 г. способствовала либерализация визового режима для высококвалифицированных специалистов и медицинских работников [37]. Кроме того, эксклав привлекателен для трудовых мигрантов из стран с более низким уровнем жизни и проблемами безработицы — Румынии, Болгарии, Польши, Литвы⁵. И наконец, еще одним каналом переезда в эксклав является «стихийная» миграция беженцев из зон военных конфликтов (Украина, Сирия).

¹ World Bank Group, 2016, Democratic Republic of Timor-Leste — Oecusse Economic and Trade Potential, World Bank Publications — Report № ACS18457 v II, The World Bank Group.

² Census 2021 main statistics migration tables, NISRA, URL: <https://www.nisra.gov.uk/publications/census-2021-main-statistics-migration-tables> (дата обращения: 21.02.2024).

³ Для эксклава действует субсидирование транспортной связности территорий Великобритании (The Public Service Obligation).

⁴ Распространяет действие на граждан Великобритании, Ирландии, а также с 2022 г. Китая и Индии на территории Великобритании, Ирландии, острова Мэн и Нормандских островов.

⁵ NISRA Statistical Bulletin, NISRA, URL: <https://www.nisra.gov.uk/sites/nisra.gov.uk/files/publications/Mig1718-Bulletin.pdf> (дата обращения: 21.02.2024).

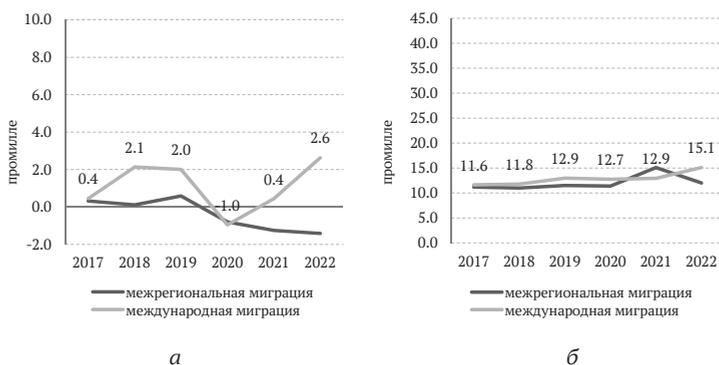

Рис. 5. Основные показатели миграции населения в Северной Ирландии в 2017—2022 гг.: а — коэффициент сальдо миграции; б — коэффициент интенсивности валовой миграции

Источник: рассчитано по данным Агентства статистики и исследований Северной Ирландии (NISRA).

Республика Крым — эксклав с развитым миграционным взаимодействием с материнским и соседним государствами

Определяющую роль в развитии миграционной ситуации в Крыму после 2014 г. играли два процесса: существенное возрастание миграционного обмена с другими регионами России вследствие вхождения региона в состав РФ и нарастающий приток мигрантов из Украины. При этом миграционный обмен с территориями России остается низкорезультативным, напротив, менее интенсивный обмен с зарубежными странами (преимущественно с Украиной) определяет 73 % миграционного прироста. Драйвером активизации межрегиональной миграции стала активная интеграция региона в российскую политико-правовую и социально-экономическую среду, формирование системы безопасности региона, что требовало привлечения специалистов соответствующей квалификации [41]. Стимулирующую роль оказывает также субсидирование железнодорожного сообщения и реализация льготного режима налогообложения (Крымская СЭЗ). Приток мигрантов из Украины обусловлен переселением части русскоговорящего населения в Россию вследствие дискриминации русскоязычных граждан на Украине.

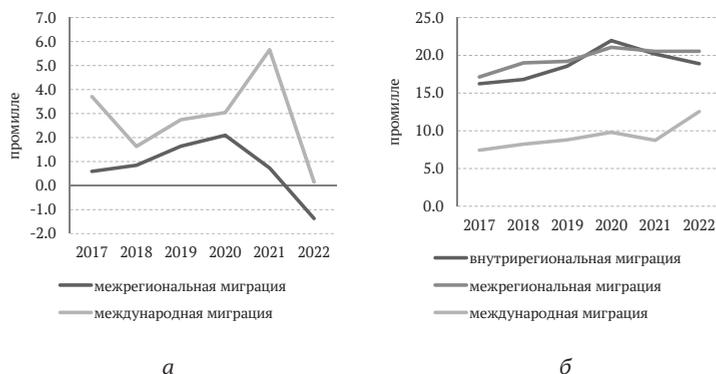

Рис. 6. Основные показатели миграции населения в Республике Крым в 2017—2023 гг.: а — коэффициент сальдо миграции; б — коэффициент интенсивности валовой миграции

Источник: рассчитано по данным Росстата.

Заключение

Исследование показало, что сама по себе эксклавность довольно редко определяет специфику развития миграционных процессов в прибрежных эксклавах. Она может играть ключевую роль только в трех случаях: при значительной удаленности эксклава от материнского государства, его низком уровне социально-экономического развития, обуславливающим низкую экономическую доступность транспортного сообщения с материнским государством, или при сочетании этих двух условий. Во всех остальных случаях эксклавность уступает другим факторам, оказывающим влияние на миграционную ситуацию. Основными среди них являются природно-климатические условия, отраслевая специализация экономики (нефте- и газодобыча, «морские» виды экономической деятельности), уровень социально-экономического развития относительно материнской и соседних стран, историко-культурная обусловленность миграционных связей, емкость территории и наличие специальных режимов преодоления издержек территориальной обособленности. Примером первого выступает Французская Гвиана, характеризующаяся пониженным отрицательным сальдо миграции. Удаленность, дополненная неблагоприятными природно-климатическими условиями, здесь определяет не только пространственную обособленность и низкую транспортную связность, но и периферийность эксклава, что, в свою очередь, снижает экономическую доступность транспортного сообщения с материнским государством и миграционную привлекательность для окружающих государств. Низкий уровень социально-экономического развития по причине эксклавности также определяет миграционный отток населения в отсталом аграрном Окуси-Амбено главным образом по направлению соседней Индонезии.

В то же время исследование показало, что столь разные прибрежные эксклавы мира могут быть типологизированы по характеру протекания миграционных процессов в них. Лишь четыре прибрежных эксклава характеризуются миграционным приростом — это Калининградская область и Крым, Кабинда и Мусандам. Немаловажную роль при этом играет политика по преодолению издержек эксклавности, более активно реализуемая в Калининградской области и Кабинде. Однако во всех остальных эксклавах, по-видимому, предпринимаемые меры не являются в достаточной мере эффективными и не создают условий для формирования миграционного прироста. Поэтому 6 из 13 эксклавов отнесены к миграционно непривлекательным, а в 3 миграционные процессы крайне незначительны.

В ходе исследования сформулированные гипотезы нашли свое подтверждение. Вопреки широкому набору мер преодоления издержек эксклавности и содействию миграционному обмену с соседней Ирландией в Северной Ирландии наблюдается замкнутость миграционных процессов. По причине низкого уровня социально-экономического развития и ввиду исторических предпосылок аграрный Окуси-Амбено ориентирован на миграционный обмен с соседней Индонезией в большей степени, чем на межрегиональную миграцию. Межрегиональная миграция в Калининградской области и на Аляске преобладает по разным причинам. В российском эксклаве причина привлекательности региона состоит в вынужденном замыкании миграционных процессов в границах страны (под влиянием санкций, пандемии COVID-19) и одновременно росте уровня жизни в эксклаве при активной политике по преодолению издержек эксклавности. Для Аляски ключевую роль играют природно-климатические и экономические факторы, выталкивающие население из региона. Совмещение высокоинтенсивного миграционного взаимодей-

ствия с материнским и соседним государствами было присуще Крыму по причине интеграции эксклава в российское пространство и наличия тесных социальных связей с Украиной.

Перспективы исследования связаны с более детальным изучением факторов притяжения и выталкивания мигрантов в типологических группах прибрежных эксклавов. Интерес также представляет анализ динамики миграционных процессов на более широком временном горизонте с целью верификации изменения миграционной ситуации в условиях «экономических и политических шоков, в особенности в рамках отношений “материнское государство — окружающее государство”» [42, с. 301].

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-77-01102, <https://rscf.ru/project/23-77-01102/>.

Список литературы

1. Рожков-Юрьевский, Ю. Ю. 2013, Понятия «Анклав / энклав» и «Эксклав» и их использование для политико-географической характеристики Калининградской области, *Балтийский регион*, № 2, с. 113—123, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2013-2-11>
2. Зверев, Ю. М. 2018, Прибрежные эксклавы среди анклавных территорий мира, *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки*, № 4, с. 18—32.
3. Винокуров, Е. Ю. 2007, *Теория анклавов*, Калининград.
4. Рожков-Юрьевский, Ю. Д. 2016, Калининград и Крым как эксклавы России. Сходства и различия, взаимные связи, *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки*, № 3, с. 28—44. EDN: XBOEPR
5. Карачурина, Л. Б., Мкртчян, Н. В. 2023, Дальность миграции населения в России с учетом демографических характеристик мигрантов, *Балтийский регион*, № 15 (2), с. 4—22, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-2-1>
6. Волошенко, К. Ю., Фидря, Е. С., Лялина, А. В., Фарафонова, Ю. Ю., Новикова, А. А. 2023, Мотивы переезда ИТ-специалистов в Калининградскую область из регионов России, *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, № 5, с. 151—176, <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2376>
7. Лялина, А. В. 2024, Социально-экономическое развитие Калининградской области в новых условиях: локальная специфика, *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки*, № 1, с. 85—106, <https://doi.org/10.5922/sikbfu-2024-1-6>
8. Попкова, Л. И. 2023, Миграционные процессы в регионах Западного побережья России с сухопутной границей, в: Клемешев, А. П., Лялина, А. В. (ред.), *Миграционные процессы в формировании трудового потенциала приграничных регионов России: 2011—2021*, Калининград, Издательство БФУ им. И. Канта, с. 159—178. EDN: AZFXLC
9. Hrynkevych, O. 2017, Cross-border factor of educational migration of Ukrainian youth to Poland: social-economic opportunities and threats, *Economic Annals — XXI*, vol. 163, № 1-2, p. 26—30, <https://doi.org/10.21003/ea.v163-05>
10. Михель, Е. А., Крутова, О. С. 2011, Миграционные процессы в зеркале трансформаций: приграничные регионы России, *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, № 2 (14), с. 86—95. EDN: NRCNXL
11. Колосов, В. А. 2016, Трансграничная регионализация и фронтальерские миграции: европейский опыт для России? *Региональные исследования*, № 3 (53), с. 83—93. EDN: XСNYBB
12. Катровский, А. П., Ковалев, Ю. П. (ред.). 2012, *Российско-белорусское приграничье: двадцать лет перемен*, Смоленск, Универсум, 288 с. EDN: QVLCOZ

13. Волощенко, К. Ю., Лялина, А. В. 2022, Привлекательность Калининградской области: факторы притяжения и причины разочарования мигрантов из регионов России, *Балтийский регион*, т. 14, № 3, с. 102 — 128, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-3-6>
14. Kiss, É., Jankó, F., Bertalan, L., Mikó, E. 2018, Nyugat és Kelet határán: Sopron a belföldi migrációban, *Tér és Társadalom*, vol. 32, № 4, p. 151 — 166, <https://doi.org/10.17649/TET.32.4.3070>
15. Колосов, В. А. (ред.). 2018, *Российское пограничье: вызовы соседства*, М., ИП Магушкина, 562 с. EDN: HMTFQP
16. Омельченко, Д. А., Максимова, С. Г., Молодикова, И. Н. 2018, Риски международной миграции и политика интеграции в азиатском приграничье России (по данным социологического исследования в Алтайском крае), *Society and Security Insights*, № 3, с. 53 — 77. EDN: VKVAOA
17. Villarreal, A., Hamilton, E. R. 2012, Rush to the border? Market liberalization and urban- and rural-origin internal migration in Mexico, *Social Science Research*, vol. 41, № 5, p. 1275 — 1291, <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2012.02.007>
18. Vezzoli, S. 2012, How do borders influence migration? Insights from open and closed border regimes in the three Guianas, *Comparative Migration Studies*, vol. 9, № 9, <https://doi.org/10.1186/s40878-020-00213-1>
19. Щекотуров, А. В., Кришталь, М. И. 2021, Динамика территориальной идентичности и восприятия статуса региона жителями Калининградской области в 2016 — 2020 гг., *Вестник Московского университета. Сер. 18.: Социология и политология*, т. 27, № 3, с. 43 — 62. EDN: VUKIWH
20. Zelinsky, W. 1971, The Hypothesis of the Mobility Transition, *Geographical Review*, № 61, p. 219 — 249, <https://doi.org/10.2307/213996>
21. Teka, O., Chabi, R. B. K., Adeleke, M. L., Vogt, J., Kramer, C., Sinsin, B. 2017, Current migrations into coastal zones of Benin: motives, ecological consequences and social realities, *European Journal of Geography*, vol. 8, № 4, p. 41 — 63.
22. O'Reilly, K. 2009, *Lifestyle Migration: Expectations, Aspirations, and Experiences*, Ashgate Publishing, Ltd.
23. Merckens, J.-L., Reimann, L., Hinkel, J., Vafeidis, A. T. 2016, Gridded population projections for the coastal zone under the Shared Socioeconomic Pathways, *Global and Planetary Change*, vol. 145, p. 57 — 66, <https://doi.org/10.1016/j.gloplacha.2016.08.009>
24. Siddiqui, M. R., Hossain, M. A. 2019, Climate Change and Migration in Coastal Areas in South Asia, in: Leal Filho, W., Azul, A., Brandli, L., Özuyar, P., Wall, T. (eds.), *Climate Action. Encyclopedia of the UN Sustainable Development Goals*, Springer, Cham, https://doi.org/10.1007/978-3-319-71063-1_101-1
25. Рыбаковский, Л. Л. 2017, Факторы и причины миграции населения, механизм их взаимосвязи, *Народонаселение*, № 2 (76), с. 51 — 60. EDN: ZDQTLZ
26. Алешковский, И. А. 2007, *Внутренняя миграция в современной России: тенденции, детерминанты, политика*, М. EDN: XSNZHF
27. Лялина, А. В. 2021, Типология миграционных процессов в приморских регионах России, *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки*, № 3, с. 42 — 59. EDN: XKYEER
28. Абылкаликов, С. И. 2015, Типологический анализ регионов России по миграционным характеристикам, *Региональная экономика: теория и практика*, № 22 (397), с. 21 — 30. EDN: TWILNL
29. Einem, C. K.-V., Panter, J., Reid, A. 2023, A longitudinal area classification of migration in Great Britain: Testing the application of Group-Based Multi-Trajectory modelling, *Population, Space and Place*, vol. 29, № 7, <https://doi.org/10.1002/psp.2694>
30. Parreño-Castellano, J. M., Moreno-Medina, C., Domínguez-Mujica, J., Santana Rivero, C. 2021, Mapping foreign immigration in Spain (1998 — 2018). Trends and spatial patterns, *Journal of Maps*, vol. 17, № 1, p. 79 — 84.
31. Абылкаликов, С. И. 2015, Миграционная активность и приживаемость населения регионов России, *Региональные исследования*, № 3 (49), с. 65 — 73. EDN: SYSJRK

32. Карачурина, Л. Б., Мкртчян, Н. В. 2015, Роль миграционных процессов в демографическом развитии региональных центров России, *Вопросы географии*, № 141: Проблемы регионального развития России, с. 209—233.

33. Maksimova, M., Omelchenko, D., Maximova, S. 2019, Migration processes in the regions of the Asian border region of Russia: the experience of building a typology, in: *Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Proceedings of the International Conference on Sustainable Development of Cross-Border Regions: Economic, Social and Security Challenges (ICSDCBR 2019)*, № 364, p. 722—726, <https://doi.org/10.2991/icsdcb-19.2019.147>

34. Heleniak, T. 2014, Migration in the Arctic, in: Heininen, L. (eds.), *Arctic Yearbook 2014*, Northern Research Forum.

35. Черкасова, Е. 2017, Проблема Сеуты и Мелильи во внешней политике Испании, *Cuadernos Iberoamericanos*, № 1, с. 66—72, <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2017-1-66-72>

36. Green, A. 2018, Understanding the drivers of internal migration, in: Champion, T., Cooke, T., Shuttleworth, I. (eds.), *Internal migration in the developed world*, London, Routledge, p. 120—146, <https://doi.org/10.4324/9781315589282-2>

37. McGinnity, F., Laurence, J., Cunniffe, E. 2023, Comparing migrant integration in Ireland and Northern Ireland, *ESRI Research Series 158*, Dublin, ESRI.

38. Лялина, А. В. 2018, Межрегиональные и межстрановые «перетоки» трудовых ресурсов в Калининградскую область: факторы и векторы в современном евразийском контексте, *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки*, № 4, с. 47—64. EDN: YVBBXF

39. Yoder, L. S. M. 2019, From ‘Special treatment’ to a Special Economic Zone: Antecedents to ZEESM in the Oecusse-Ambeno enclave, in: McWilliam, A., Leach, M. (eds.), *Routledge Handbook of Contemporary Timor Leste*, London ; New York, Routledge, p. 110—123.

40. Shuttleworth, I., Foley, B., Champion, T. 2021, Internal migration in Northern Ireland: Are people becoming more stuck in place?, *Population, Space and Place*, vol. 27, № 7, <https://doi.org/10.1002/psp.2338>

41. Ожегова, Л. А., Сазонова, Г. В. 2023, Миграционные процессы в регионах Азово-Черноморского бассейна западного побережья России, в: Клемешев, А. П., Лялина, А. В. (ред.), *Миграционные процессы в формировании трудового потенциала приграничных регионов России: 2011—2021*, Калининград, Издательство БФУ им. И. Канта, с. 178—197. EDN: TLLQTH

42. Robinson, G. W. C. 1959, Exclaves, *Annals of the Association of American Geographers*, № 49 (3), p. 283—295.

Об авторах

Анна Валентиновна Лялина, кандидат географических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: anuta-mazova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8479-413X>

Ангелина Петровна Плотникова, аспирант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: a.plotnikova.1416@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5502-8866>

MIGRATION TYPOLOGY OF THE WORLD'S COASTAL EXCLAVES

A. V. Lialina

A. P. Plotnikova

Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russia

Received 05 March 2024

Accepted 03 September 2024

doi: 10.5922/2079-8555-2024-4-8

© Lialina, A. V., Plotnikova, A. P., 2024

A significant contribution to the study of migration in the exclave region of Kaliningrad, including an analysis of determining factors, was made by Dr. hab. Prof Gennady Fedorov, who conceptualised migration movements as a demographic element within the geo-demographic context. He was the first to highlight the distinctive nature of migration processes in the region, shaped by its historical background and unique economic-geographical position. This article examines how the exclave position, including spatial remoteness from the parent state, affects migration patterns. To this end, migration is examined in thirteen coastal exclaves worldwide, excluding military bases and uninhabited territories. Situated in diverse regions worldwide, these areas are characterised by varying climatic, economic, and institutional conditions, as well as distinct historical and cultural features in societal development, each overcoming the challenges of spatial isolation in a unique way. These differences are reflected in the attractiveness of the exclaves to migrants and, consequently, in the current migration situation. This study is the first attempt to produce a typology of exclaves by examining local migration situations. To this end, exclaves are compared using indicators of population migration, its role in population replacement, transport connectivity with the parent and neighbouring states and the natural and socio-economic conditions of regional development from 2017 to 2022. The comparison produces a typology of coastal exclaves based on the characteristics of migration processes. Exclaves that lack attractiveness to migrants include those developing under harsh climatic conditions such as Alaska; those experiencing extreme temperatures and possessing underdeveloped economies like Oecussi-Ambeno, Temburong and French Guiana; and densely populated exclaves facing a massive refugee influx, such as Ceuta and Melilla. Attractive exclaves are economically prosperous regions that take advantage of their coastal location, such as the Kaliningrad region and Crimea, and specialise in oil and gas production, for example, Cabinda and Musandam. The third type comprises the most densely populated exclave of Gibraltar, along with the highly developed regions of Dubrovnik and Northern Ireland, where migration has minimal impact on population replacement.

Keywords:

migration, exclavity, coastal exclave, coastal position, border position, Kaliningrad region

References

1. Rozhkov-Yuryevsky, Yu.D. 2013, The concepts of enclave and exclave and their use in the political and geographical characteristic of the Kaliningrad region, *Baltic Region*, №2, p. 113—123, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2013-2-11>
2. Zverev, Yu.M. 2018, Coastal exclaves among enclosed territories of the world, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Natural and Medical Sciences*, №4, p. 18—32. EDN: YVBBVZ (in Russ.).

3. Vinokurov, E. Yu. 2007, *Teorija anklavov*, Kaliningrad (in Russ.).
4. Rozhkov-Yuryevsky, Yu. D. 2016, Kaliningrad and Crimea as Russian exclaves: similarities, differences, and interconnections, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Natural and Medical Sciences*, № 3, p. 28—44. EDN: XBOEPR (in Russ.).
5. Karachurina, L. B., Mkrtchyan, N. V., 2023. Migration distances in Russia: a demographic profile of migrants, *Baltic Region*, vol. 15, № 2, p. 4—22, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-2-1>
6. Voloshenko, K. Yu., Fidrya, E. S., Lialina, A. V., Farafonova, Yu. Yu., Novikova, A. A. 2023, Motives for the Migration of It Specialists to the Kaliningrad Region from Russian Regions. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes, № 5, p. 151—176, <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2376> (in Russ.).
7. Lialina, A. V. 2024, Social and economic development of the Kaliningrad region in new conditions: local specifics, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, № 1, p. 85—106, <https://doi.org/10.5922/sikbfu-2024-1-6> (in Russ.).
8. Popkova, L. I. 2023, Migration processes in the regions of the Western borderlands of Russia with a land border, in: Klemeshev, A. P., Lialina, A. V. (eds.), *Migration processes in the formation of the labor potential of the border regions of Russia: 2011—2021*, Kaliningrad, IKBFU Press, p. 159—178. EDN: AZFXLC
9. Hrynkevych, O. 2017, Cross-border factor of educational migration of Ukrainian youth to Poland: social-economic opportunities and threats, *Economic Annals — XXI*, vol. 163, № 1-2, p. 26—30, <https://doi.org/10.21003/ea.v163-05>
10. Mikhel, E. A., Krutova, O. S. 2011, Migratory processes as mirrored by the transformations: border regions in Russia, *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, № 2, p. 74—83. EDN: UCDQBR
11. Kolosov, V. A. 2016, Cross-border regionalisation and commuters: european experience for Russia? *Regional Studies*, № 3 (53), p. 83—93. EDN: XCNYYB (in Russ.).
12. Katrovsky, A. P., Kovalev, Yu. P. (eds.). 2012, *The Russian-Belarusian border area: twenty years of changes*, Smolensk, Universum. EDN: QVLCOZ (in Russ.).
13. Voloshenko, K. Yu., Lialina, A. V. 2022, Attractiveness of the Kaliningrad region: pull factors and reasons for disappointments of migrants from Russian regions, *Baltic Region*, vol. 14, № 3, p. 102—128, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-3-6>
14. Kiss, É., Jankó, F., Bertalan, L., Mikó, E. 2018, Nyugat és Kelet határán: Sopron a bel-földi migrációban, *Tér és Társadalom*, vol. 32, № 4, p. 151—166, <https://doi.org/10.17649/TET.32.4.3070>
15. Kolosov, V. A. (eds.). 2018, *The Russian border: challenges of the neighborhood*, M., IP Matushkina. EDN: HMTFQP (in Russ.).
16. Omelchenko, D., Maximova, S., Molodikova, I. 2018, Risks of international migration and integration policy Asian Boderland (on the results of sociological research in the Altai Territory), *Society and Security Insights*, № 3, p. 53—77. EDN: VKVAOA (in Russ.).
17. Villarreal, A., Hamilton, E. R. 2012, Rush to the border? Market liberalization and urban-and rural-origin internal migration in Mexico, *Social Science Research*, vol. 41, № 5, p. 1275—1291, <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2012.02.007>
18. Vezzoli, S. 2012, How do borders influence migration? Insights from open and closed border regimes in the three Guianas, *Comparative Migration Studies*, vol. 9, № 9, <https://doi.org/10.1186/s40878-020-00213-1>
19. Shchekoturov, A. V., Krishtal, M. V. 2021, Dynamics of territorial identity and perception of the status of the region by residents of the Kaliningrad region in 2016—2020, *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, vol. 27, № 3, p. 43—62. EDN: VUKIWH (in Russ.).
20. Zelinsky, W. 1971, The Hypothesis of the Mobility Transition, *Geographical Review*, № 61, p. 219—249, <https://doi.org/10.2307/213996>
21. Teká, O., Chabi, R. B. K., Adeleke, M. L., Vogt, J., Kramer, C., Sinsin, B. 2017, Current migrations into coastal zones of Benin: motives, ecological consequences and social realities, *European Journal of Geography*, vol. 8, № 4, p. 41—63.

22. O'Reilly, K. 2009, *Lifestyle Migration: Expectations, Aspirations, and Experiences*, Ashgate Publishing, Ltd.
23. Merkens, J.-L., Reimann, L., Hinkel, J., Vafeidis, A. T. 2016, Gridded population projections for the coastal zone under the Shared Socioeconomic Pathways, *Global and Planetary Change*, vol. 145, p. 57—66, <https://doi.org/10.1016/j.gloplacha.2016.08.009>
24. Siddiqui, M. R., Hossain, M. A. 2019, Climate Change and Migration in Coastal Areas in South Asia, in: Leal Filho, W., Azul, A., Brandli, L., Özuyar, P., Wall, T. (eds.), *Climate Action. Encyclopedia of the UN Sustainable Development Goals*, Springer, Cham, https://doi.org/10.1007/978-3-319-71063-1_101-1
25. Rybakovsky, L. L. 2017, Factors and causes of migration, mechanism of their relationship, *Narodonaselenie*, № 2 (76), p. 51—60. EDN: ZDQTLZ (in Russ.).
26. Aleshkovski, I. A. 2007, Internal migration in modern Russia: trends, determinants, politics, Moscow. EDN: XSNZHF (in Russ.).
27. Lialina, A. V. 2021, Typology of migration processes of Russian coastal regions, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Natural and Medical Sciences*, № 3, p. 42—59. EDN: XKYEPP (in Russ.).
28. Abylkalikov, S. I. 2015, A typological analysis of Russian regions on migration characteristics, *Regional Economics: Theory and Practice*, № 22 (397), p. 21—30. EDN: TWILNL (in Russ.).
29. Einem, C. K.-V., Panter, J., Reid, A. 2023, A longitudinal area classification of migration in Great Britain: Testing the application of Group-Based Multi-Trajectory modelling, *Population, Space and Place*, vol. 29, № 7, <https://doi.org/10.1002/psp.2694>
30. Parreño-Castellano, J. M., Moreno-Medina, C., Domínguez-Mujica, J., Santana Rivero, C. 2021, Mapping foreign immigration in Spain (1998—2018). Trends and spatial patterns, *Journal of Maps*, vol. 17, № 1, p. 79—84.
31. Abylkalikov, S. I. 2015, Migration activity and adaptation of population in regions of Russia, *Regional Studies*, № 3 (49), p. 65—73. EDN: SYSJRK (in Russ.).
32. Karachurina, L. B., Mkrtchyan, N. V. 2015, Role of migration in demographic development of regional centers of Russia, *Voprosy geografii, № 141: Problemy regional'nogo razvitiya Rossii*, p. 209—233 (in Russ.).
33. Maksimova, M., Omelchenko, D., Maximova, S. 2019, Migration processes in the regions of the Asian border region of Russia: the experience of building a typology, in: *Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Proceedings of the International Conference on Sustainable Development of Cross-Border Regions: Economic, Social and Security Challenges (ICSDCBR 2019)*, № 364, p. 722—726, <https://doi.org/10.2991/icsdcb-19.2019.147>
34. Heleniak, T. 2014, Migration in the Arctic, in: Heininen, L. (eds.), *Arctic Yearbook 2014*, Northern Research Forum.
35. Cherkasova, E. 2017, The problem of Ceuta and Melilla in Spanish foreign policy, *Cuadernos Iberoamericanos*, № 1, p. 66—72, <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2017-1-66-72> (in Russ.).
36. Green, A. 2018, Understanding the drivers of internal migration, in: Champion, T., Cooke, T., Shuttleworth, I. (eds.), *Internal migration in the developed world*, London, Routledge, p. 120—146, <https://doi.org/10.4324/9781315589282-2>
37. McGinnity, F., Laurence, J., Cunniffe, E. 2023, Comparing migrant integration in Ireland and Northern Ireland, *ESRI Research Series 158*, Dublin, ESRI.
38. Lialina, A. V. 2018, Interregional and cross-country flows of labor resources in the Kaliningrad region: factors and vectors in the contemporary Eurasian context, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Natural and Medical Sciences*, № 4, p. 47—64. EDN: YVBBXF (in Russ.).
39. Yoder, L. S. M. 2019, From 'Special treatment' to a Special Economic Zone: Antecedents to ZEESM in the Oecusse-Ambeno enclave, in: McWilliam, A., Leach, M. (eds.), *Routledge Handbook of Contemporary Timor Leste*, London ; New York, Routledge, p. 110—123 (in Russ.).
40. Shuttleworth, I., Foley, B., Champion, T. 2021, Internal migration in Northern Ireland: Are people becoming more stuck in place?, *Population, Space and Place*, vol. 27, № 7, <https://doi.org/10.1002/psp.2338>

41. Ozhegova, L. A., Sazonova, G. V. 2023, Migration processes in the regions of the Azov-Black Sea basin of the Western borderlands of Russia, in: Klemeshev, A. P., Lialina, A. V. (eds.), *Migration processes in the formation of the labor potential of the border regions of Russia: 2011–2021*, Kaliningrad, IKBFU Press, p. 178–197. EDN: TLLQTH (in Russ.).

42. Robinson, G. W. C. 1959, Exclaves, *Annals of the Association of American Geographers*, № 49 (3), p. 283–295.

The authors

Dr. Anna V. Lialina, Research Associate, Centre for Regional Socio-Economic Research, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: anuta-mazova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8479-413X>

Angelina P. Plotnikova, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: a.plotnikova.1416@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5502-8866>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))